
РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ

DOI 10.22394/1682-2358-2021-5-88-105

D.S. Velieva, Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Constitutional and International Law Department, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

M.V. Presnyakov, Doctor of Sciences (Law), Professor of the Service and Labor Law Department, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

**INTERNATIONAL
ROUND TABLE
“CONSTITUTIONAL
PRINCIPLE OF LEGAL
CERTAINTY
IN THE MECHANISM
OF REALIZATION
OF HUMAN RIGHTS:
PROBLEMS
AND PROSPECTS”**
(Saratov,
Povolzhsky Institute
of Management
named after P.A. Stolypin,
June 23, 2021).

Д.С. Велиева, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (email: jamiliavelieva@yandex.ru)

М.В. Пресняков, доктор юридических наук, профессор кафедры служебного и трудового права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (email: presnyakov1972@yandex.ru)

**Межвузовский круглый стол
«КОНСТИТУЦИОННЫЙ
ПРИНЦИП ПРАВОВОЙ
ОПРЕДЕЛЕННОСТИ
В МЕХАНИЗМЕ РЕАЛИЗАЦИИ
ПРАВ ЧЕЛОВЕКА:**

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ»
(г. Саратов,
Поволжский институт управления
имени П.А. Столыпина —
филиал РАНХиГС, 23 июня 2021 г.)*

Круглый стол «Конституционный принцип правовой определенности в механизме реализации прав человека:

* Круглый стол был организован в рамках реализации поддержанного РФФИ научного проекта № 19-011-00418 «Конституционный принцип правовой определенности в механизме реализации прав и свобод человека».

проблемы и перспективы» был проведен кафедрой конституционного и международного права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала РАНХиГС 23 июня 2021 г.

С докладом о проблемах правовой определенности основных прав и свободы человека с позиции национального и международного законодательства выступила заведующий кафедрой конституционного и международного права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина, доктор юридических наук, профессор **Велиева Джамила Сейфаддиновна**. Она отметила, что реализация прав и свобод человека и гражданина требует их законодательной регламентации. В ряде случаев конкретизация механизма реализации конституционных прав и свобод происходит не только на уровне законодательных, но и подзаконных актов. С позиции принципа правовой определенности действующий огромный массив нормативно-правовых актов должен соответствовать положениям Конституции РФ.

В 2020 г. проведена глобальная конституционная реформа, но значение внесенных в Основной Закон страны поправок пока не осознано в полной мере, поскольку они еще не получили развернутого регулирования в текущем законодательстве. Проблема правовой определенности в данном случае заключается в адекватных законах, которые будут вводить те новеллы, которые «запланированы» обновленной Конституцией РФ. Если на конституционном уровне выражена решимость защищать историческую правду, то необходимо создать правовой механизм такой защиты. Если утверждается, что социальная солидарность является одним из основных конституционных принципов, то следует продумать, как будет обеспечиваться такая солидарность.

Безусловно, права человека — это явление мирового правопорядка, оно шире различных его «версий», предлагаемых национальными законодательствами, и в этом смысле невозможно переоценить присоединение России к Европейской конвенции. Однако Европейский суд по правам человека, несмотря на продуманность и обоснованность своих прецедентов, тоже «не безгрешен». Многие решения Европейского суда продиктованы сложившейся европейской ментальностью, которая не всегда совпадает с российской. Проблема правовой определенности заключается в поиске адекватного механизма, который позволил бы, с одной стороны, учитывать международные стандарты прав человека, а с другой — национальную конституционную идентичность.

В развитие этого тезиса **Пресняков Михаил Вячеславович**, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и международного права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала РАНХиГС, в своем выступлении «Принцип пра-

новой определенности в механизме реализации прав и свобод человека: проблемы юридической концептуализации» обратил внимание участников круглого стола на принципиальную недостаточность понимания смысла правовой определенности как «технического» требования к закону. Само словосочетание «правовая определенность» принципиально атрибутивно и предполагает ответ на вопрос о правовой определенности того, о чем или о ком идет речь. Это заставляет ставить вопрос об определенности содержания основных прав и свобод как в рамках национальных правовых систем, так и в общечеловеческом масштабе в целом. При этом проблемное поле распадается на две взаимосвязанные сферы: во-первых, каким образом формируются и функционируют системы общепризнанных прав в рамках различных правовых систем (функциональный аспект), во-вторых — вопрос эволюции самого концепта общепризнанных прав и свобод и трансформации его содержательных характеристик (предметный аспект).

В мировой юридической доктрине и практике сложились две глобальные концепции: а) концепция верховенства права («Rule of law»), которая получила концептуализацию в странах англосаксонского права и б) модель правового государства («Rechtsstaat»), характерная для континентального права. Безусловно, данные модели обнаруживают различные варианты своего развития в разных государствах (так, американский и английский варианты верховенства права в значительной степени отличаются), однако эти две модели имеют в своей основе два диаметрально противоположных принципа изначального формирования системы прав человека: индукционного и дедуктивного.

Система «Rule of Law» основана на принципе индукции, предполагающем обобщение частных «казусов», преимущественно выявляемых в рамках деятельности судов при сохранении сходного начала личной свободы («разрешено все, что не запрещено»). Правовое регулирование в данном случае строится как система ограничений изначального «полноправия» личности, а проблема определенности содержания правового статуса человека ставится как требование соразмерности указанных ограничений. Данная модель хорошо работает в отношении личных и политических прав и свобод, однако демонстрирует свою ограниченность в связи с признанием социальных прав в качестве элемента системы естественных прав человека, поскольку последние предполагают позитивное регулирование.

В основе концепции «Rechtsstaat», напротив, лежит дедуктивный принцип: данная модель предполагает формирование системы прав и свобод человека «от общего к частному» и в гораздо большей степени опирается на позитивное регулирование и законодательство — идея

свободы «посредством государства». Однако данная модель оказалась уязвимой в условиях доминирования юридического позитивизма как основного принципа юридической науки и правового регулирования. Это выразилось в редукции проблемы содержательной определенности правового статуса личности к юридической определенности, то есть технико-юридическим правилам определенности закона и его применения («тонкие» или формальные концепции). После Второй мировой войны, когда обнаружилась недостаточность формальной законности и формальной определенности, данная концепция приобрела содержательные характеристики в связи с разработкой принципа достоинства личности, что в значительной степени сблизило ее с концепцией «Rule of Law».

Континентальная модель правовой определенности статуса личности, которая основана на концепции «Rechtsstaat», функционально связана с наличием писаной конституции и реализуется в рамках процесса конституционализации текущего законодательства. В связи с этим одним из важнейших императивов содержательной определенности выступает верховенство конституции, что, в свою очередь, предполагает концептуальную стабильность Конституции РФ.

Проблемам определенности судебного балансирования и интенсивности судебного конституционного контроля было посвящено выступление доцента кафедры конституционного права Санкт-Петербургского государственного университета **Должикова Алексея Вячеславовича**.

Судейское балансирование является наиболее распространенным способом разрешения конфликта частных и публичных интересов, которые неизбежны в силу существования объективных противоречий основополагающих индивидуальных свобод с интересами общества в целом. На практике не всегда просто следовать определенной нормативной иерархии конституционных ценностей. Даже просто отождествлять конституционные права с интересом значит девальвировать роль конституции в формировании демократического правового государства. Органы конституционного правосудия способны выработать общие подходы к приоритету одного конституционного права над другим основным правом или публичным интересом. Необходимым условием соблюдения требования баланса интересов выступает оценка судом принципиальной возможности реализации всех конфликтующих ценностей. Практическим следствием такой оценки является то, что по общему правилу недопустимы полные запреты, когда сущностное содержание (ядро) конституционного права выхолащивается.

С методологической точки зрения балансирование интересов полностью не заменяет, а только дополняет формально-логическую аргументацию в конституционном правосудии. Любое правоприменение,

включая использование предписаний главы 2 Конституции РФ, требует юридической квалификации обстоятельств конкретного спора с позиции абстрактных конституционных принципов и норм. Такой прием, иначе называемый в логике субсумцией, применяется на более ранних этапах конституционного судопроизводства и чаще уместен при разрешении несложных дел. Без дедуктивного умозаключения не обойтись, когда участники конституционного спора выдвигают доводы или контрдоводы по поводу отнесения определенной ситуации к отдельной статье главы 2 Конституции РФ. Ведь процедура конституционного судопроизводства требует обоснования нарушения конкретного конституционного права по жалобам граждан как самой распространенной категории конституционных споров. На этой стадии осуществление взвешивания интересов конституционными судьями (или даже сотрудниками аппарата суда) имеет риски необоснованного ограничения доступа к конституционному правосудию. Процессуальная экономия подрывает общеправовой принцип правовой определенности, включая требования открытости правосудия. Кроме того, без обращения к дедуктивным умозаключениям взвешивание интересов сводилось бы к судейской интуиции, основанной на прежнем профессиональном опыте и моральных оценках отдельных конституционных судей.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры прав человека юридического факультета Гуманитарного университета г. Екатеринбурга **Денисов Сергей Алексеевич** сделал сообщение на тему «Неопределенность норм как конституционная девиация». Неопределенность норм права была рассмотрена с точки зрения зарождающейся в России науки «конституционная девиантология». Неопределенность норм конституционного права, в зависимости от типа правовой системы, может быть отклонением от идеалов конституционализма, а может несколько не мешать их реализации. В демократическом правовом государстве неопределенность норм конституции толкуется в интересах народа и защиты прав человека. Но если государство недемократическое, то все неопределенности права толкуются в интересах правящей группы, и сама неопределенность права должна рассматриваться как отклонение (девиация) от идеалов конституционализма. Так, Конституционный Суд РФ указал, что неопределенность в праве сама по себе является отступлением от требований Конституции РФ, так как может использоваться должностными лицами для посягательства на права и свободы человека и гражданина, устранения принципа равенства всех перед законом в целях подрыва принципа верховенства закона.

Неопределенность норм может стать условием для возникновения иных отклонений от конституционных идеалов. Она позволяет прене-

брегать требованиями норм конституции и превращать конституционный акт в ложный или формальный. Неопределенность норм позволяет злоупотреблять толкованием этих норм и под интересами государства понимать интересы правящей группы, всякую оппозиционную деятельность выдавать за экстремизм.

Неопределенность права является особым средством реализации интересов административного класса. Это неотъемлемое качество административной правовой системы и результат сознательной правовой политики административного государства.

Заведующий кафедрой международного и европейского права Балтийского федерального университета имени И. Канта **Герасимова Евгения Вячеславовна** акцентировала внимание участников круглого стола на проблемах применения принципа правовой определенности и защите прав и свобод человека средствами конституционного правосудия. Для эффективного применения органами конституционного правосудия принцип правовой определенности требует дальнейшей доктринальной разработки прежде всего в вопросе выявления его содержания. Особенно актуальна данная задача в условиях пандемии COVID-19, когда правовое регулирование не успевает за развитием экстраординарной ситуации, носит фрагментарный характер и в то же время касается ограничения фундаментальных прав и свобод человека.

Принцип правовой определенности реализуется в практике конституционного правосудия Российской Федерации в нескольких аспектах: с одной стороны, как способ аргументации нарушения конституционных прав и свобод заявителя при обращении в Конституционный Суд РФ; с другой стороны, Конституционный Суд РФ, ссылаясь на международные стандарты правовой определенности, разработанные Венецианской комиссией за демократию через право Совета Европы, использует его для определения качества закона и дефектов правового регулирования. Вместе с тем актуальным для органов конституционного правосудия остается вопрос, должны ли нормы всегда отвечать требованиям определенности и влечет ли абстрактность нормы обязательное признание ее неконституционной.

Важное значение имеет применение данного принципа при рассмотрении дел о качестве уголовного закона и проверке его с точки зрения нарушения прав и свобод (что является актуальным и для европейских конституционных судов, например, в Испании, Венгрии). Конституционный Суд РФ указывает, что при формулировании предписаний уголовного закона могут использоваться оценочные или общепринятые категории, позволяющие учесть необходимость эффективного применения уголовно-правовых запретов к неограниченному числу конкретных

правовых ситуаций. С другой стороны, он неоднократно подчеркивал, что любое преступление и наказание должны быть четко определены в законе, чтобы исходя из текста соответствующей нормы — в случае необходимости с помощью толкования, данного ей судами — каждый мог предвидеть уголовно-правовые последствия своих действий (бездействий). «Погоня» за идеалом правовой определенности не должна быть самоцелью при рассмотрении дела в конституционном суде, а он сам при истолковании нормы должен искать баланс принципов и ценностей в конкретном деле.

Действовавшие ранее в России органы уставного правосудия ряда субъектов — Уставный суд г. Санкт-Петербурга, Уставный суд Калининградской области — также внесли значительный вклад в совершенствование правового регулирования в субъектах с точки зрения повышения его качества путем установления нарушения принципа правовой определенности. Упразднение органов уставного правосудия может негативно сказаться на поддержании стандартов правовой определенности, которые включают требования точности, ясности и недвусмысленности правовых норм, их согласованности в системе действующего правового регулирования, без чего не может быть обеспечено единообразное понимание и применение нормативных предписаний в каждом субъекте РФ, особенно в период пандемии.

Большой интерес у присутствующих вызвали пути устранения на практике пробелов в законодательстве, предложенные заведующим кафедрой конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета, доктором юридических наук, профессором **Василевичем Григорием Алексеевичем**. В настоящее время процедура создания нового закона предполагает соблюдение достаточно широкого спектра правовых принципов, суть которых состоит в том, чтобы не допустить появления в правовой системе государства некачественных, неэффективных, а порой и не отвечающих потребностям времени правовых актов.

Давно стоит задача обеспечения пакетного принципа подготовки нормативных правовых актов. Восполнению пробела в законодательстве на стадии правоприменения может способствовать изменение отношения к системе источников права. Судейское усмотрение, судебское право может выступать в качестве важнейшего источника правового регулирования.

Опыт свидетельствует, что в некоторых случаях пробелы восполняются путем вторжения «смежного» органа государственной власти и принятия им требуемого нормативного правового акта вместо того органа, к компетенции которого это обычно непосредственно относится.

Подобные случаи можно наблюдать, когда президенты издают акты, опережая парламенты запаздывающие с принятием законов.

Необходимость упорядочения работы по толкованию (разъяснению) актов, решению ряда спорных и неоднозначно реализуемых на практике вопросов активно поднимают представители субъектов хозяйственной деятельности, специалисты, граждане, которым пришлось в своей жизни столкнуться с исполнением актов законодательства. Необходимо различать толкование нормативного правового акта уполномоченным субъектом и ответ должностного лица органа государственной власти (государственного управления) на поступившее обращение гражданина или субъекта хозяйственной деятельности.

Особенно беспокоит субъектов, занимающихся предпринимательской деятельностью, что нередко, когда они действуют в соответствии с полученным разъяснением от государственных органов, их привлекают к юридической ответственности, так как контрольные (надзорные) органы иначе воспринимают содержание нормативного правового акта.

Назревшим является принятие специального акта (возможно в виде постановления правительства), в котором комплексно были бы решены вопросы, касающиеся более детального определения в каждом ведомстве должностных лиц, уполномоченных давать ответы на обращения, порядка их доведения (при необходимости) до всеобщего сведения, порядка размещения на сайтах информации общего характера, какие ей должны соответствовать атрибуты и т.п.

Устранению пробелов и дефектов в законодательстве может способствовать активизация гражданами самозащиты. На это же может быть направлена реализация права народной инициативы, народных обсуждений проектов законодательных актов. Устранению дефектов способствует и практика своевременной отмены акта, в котором они выявлены, постоянный мониторинг состояния законодательства, предварительная экспертиза (логическая, филологическая, криминалистическая и т.п.), послания Конституционного Суда о состоянии конституционной законности, а также деятельность органов прокуратуры по надзору за законностью принятых нормативных правовых актов.

Особый интерес у присутствующих вызвало выступление профессора кафедры государственно-правовых дисциплин Московского городского педагогического университета, доктора юридических наук **Пряхиной Татьяны Михайловны** об обретении определенности в праве, представленное совместно со студентом Института права и управления МГПУ **Галкиным Никитой Антоновичем**. Отмечено, что вопросы правовой определенности давно и прочно обрели статус «вечных» проблем юридической сферы. От древнеримского «закон

всегда определен» до западноевропейского принципа «охраны доверия» прошло не одно столетие, но мы все так же далеки от окончательного разрешения проблемы. Причины данной ситуации объективны. Дихотомия абстрактности, всеобщности, краткости текста закона и его содержательной ясности, конкретности, доступности, точности, однозначности — неразрешима исключительно в плоскости юридической техники. Сводя вопросы правовой определенности к их текстуальному аспекту, мы предъявляем к закону заведомо невыполнимые требования. Несмотря на то что право является вербальной конструкцией, разрешить вопросы правовой определенности совершенствованием юридического языка не представляется возможным.

Методологически правильным представляется понимание определенности в праве как социального явления, отражающего состояние коммуникативных практик, складывающихся в ходе взаимодействия общества (его отдельных страт), государства, граждан в зоне правового общения. Определенность как некое социальное, политико-правовое состояние предполагает, что мы имеем достаточно убедительные ответы на вопросы: что такое право; каковы цели и задачи правового регулирования; чего мы ожидаем от юридических норм и где пределы их регулятивных возможностей; какую «инфраструктуру» мы создадим (или будем использовать существующие возможности) для усиления регулятивных качеств правовых норм в условиях неопределенности?

Ответ на последний вопрос особенно важен, так как мы живем в эпоху смены мировоззренческой парадигмы. От механистической картины мира общество уходит в квантовую реальность, признающую нелинейность, невычислимость, недетерминистичность, непредсказуемость событий прошлого, настоящего и будущего. Это значит, что неопределенность следует признать как необходимую величину объективной реальности, принять и научиться минимизировать данное качество в конкретных системах адекватными средствами.

Данное допущение требует признания того очевидного факта, что право не является самодостаточным регулятором поведения человека. Оно предполагает наличие сорегуляторов (морали, этики, нравственности, культуры, произведений искусства), компенсирующих неизбежную ограниченность правового регулирования.

Правовую информацию, изложенную в законе, следует понимать как меру снятой неопределенности. Правовая информация должна быть достаточной для того, чтобы субъект (человек) ее правильно понял и сумел выбрать правомерную модель поведения. Достаточность в данном случае означает минимально необходимый информационный посыл, ресурсы которого дополняются сорегуляторами права. Право

содержит волевой посыл, оно подкреплено легальным принуждением. Отсюда его лаконичность как необходимое условие действенности.

Полнота информационной весомости текста обретается не только совершенствованием самого текста, но и кропотливой работой с адресатом юридической информации. Чтобы быть весомым, текст должен предъявить информацию одновременно и цельно. В литературе как в искусстве последовательного изложения, одновременность передачи признаков в строгом смысле недостижима. Желательно, насколько возможно, приблизиться к ней, сжимая информацию, устраняя все лишнее, все, что, растягивая и замедляя процесс восприятия, не несет существенной информации, а только заставляет читателя растрачивать зря время, энергию, внимание.

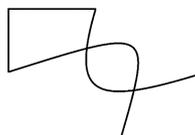
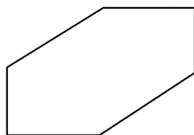
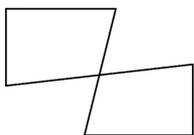
В праве избыток несущественной информации приводит к неоправданным потерям сил, энергии времени не только конкретными людьми, но и государственным аппаратом. Достаточность лаконичной правовой информации, содержащейся в законе, обеспечивается за счет режима самодотраивания образа объекта по его отдельным чертам или признакам.

Таким образом, если даны некоторые исходные данные, они принуждают человека (систему, законодателя, государственный аппарат и т.д.) дополнить все остальные черты объекта, так что реконструируется целостный паттерн. Самодотраивание подчинено закону типизации.

Проиллюстрируем этот тезис. Если в качестве исходных данных даны два угла, то, скорее всего, процесс самодотраивания приведет к прямоугольнику.

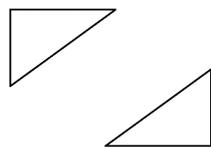

Процесс достраивания (не путать с самодотраиванием) может завершиться более затейливыми конструкциями, например, такими:

Возможно, распознаваемый образ изначально был совсем иным.

Большинство выберет прямоугольник, поскольку нас окружают стандартные предметы прямоугольной формы (стол, окно, лист бумаги, книга, монитор компьютера и т.д.). Похожие процессы происходят и в процессе самодотраивания изначально полученной юридической информации. Ее неизбежная не-

полнота компенсируется сознанием правоприменителя, работающим согласно типическим моделям надлежащего поведения. Типичный образ правомерного поведения формируется не только и не столько правом, сколько религиозными догматами, нравственными постулатами, нормами этики, морали, культуры во всех ее ипостасях (бытовой, управленческой, творческой и т.п.). Типичный образ должен в основных чертах совпадать для разных людей, общностей, групп, государственного аппарата, народа в целом, должна быть общность и в оценке ситуации. В силу всеобщности права в процессе самодотраивания участвует каждый, к кому обращен закон. Государство, общество, человек должны доверять друг другу, чтобы процесс самодотраивания базировался на синергетическом эффекте действий, предпринимаемых различными акторами. Доверие обеспечивается взаимным признанием общности образа права, ценностей права, допустимых вариантов поведения.

С позиций правовой определенности наиболее привлекательной выглядит инференциальная модель коммуникации между законодателем, правоприменителем, обществом, гражданами. Кроме правовой информации, по каналам связи передаются интенции — сообщения о том, как должно пониматься кодируемое сообщение — в виде эмоций, установок, настроений. Интенции черпаются из внеправовых источников: политических документов, выступлений авторитетных лидеров, научных светил, литераторами, художниками, творческой интеллигенцией, учителями, педагогами. Интенции, усиленные интеллектуальным, одухотворенным искусством, считаются наиболее продуктивно в случае высокого культурного уровня большей части населения, что требует серьезной работы государства, общества, отдельного человека. Синергия права и искусства есть способ обретения определенности в праве.

Выступление кандидата юридических наук, доцента кафедры международного права и сравнительного правоведения Высшей школы экономики, управления и права САФУ **Пермиловского Михаила Сергеевича** было посвящено значению антропоцентризма в конституционном праве, который отметил подмену человека субъектом права в правовой доктрине и практике. Знакомство с обширным нормативным материалом, судебной практикой показывает почти математическую формализацию. Субъект права стал одним из значений в формуле правоотношения.

Проблема обезличивания правового регулирования периодически обсуждается в литературе. Предлагается ввести в российское право категорию «образ человека» (И.Л. Честнов, А.В. Должиков). Представ-

ляется, однако, что нормативное закрепление такой категории опять приведет к формальности. Конституция РФ де-юре уже содержит «образ человека». Достаточно вспомнить статью 2 «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью».

На практике данное конституционное требование не всегда перевешивает другие интересы. Речь идет прежде всего об экономических интересах. К примеру, при соотношении права организации на принудительное взыскание задолженности за счет средств пенсионного обеспечения и права гражданина-пенсионера на социальное обеспечение приоритет отдается организации, поскольку гражданин, во-первых, может иметь иные источники дохода и, во-вторых, судебный пристав-исполнитель должен оценивать имущественное положение должника. Очевидно, что такой или аналогичные подходы нуждаются в перемене.

В целях гуманизации не строгих юридических норм, но их понимания в процессе толкования целесообразно реализовать заложенную в Конституции РФ концепцию содержательной определенности деятельности власти, а именно конституционный антропоцентризм. Его реализация невозможна без толкования. Оно также неэффективно в условиях традиционной нормативно-оценочной интерпретации правовых положений, осуществляемой не только судами, но и органами административной юрисдикции.

Процесс правоприменения и толкования должен исходить из сквозного примата прав и свобод человека в нормах права и деятельности всех уровней власти, для чего необходимо человека, его права и свободы с объектами норм права рассматривать во взаимосвязи. В вопросе о механизме подобного истолкования за основу предлагается принять теорию конституционной аксиологии.

И в доктрине, и на практике существуют разные подходы к пониманию сути категории конституционной ценности. Однако все сходятся во мнении, что конституционной ценностью может признаваться только то, что имеет значение и пользу для человека. Истолкование нормы права в качестве ценности предполагает, что каждый объект нормы должен оцениваться с точки зрения интересов и пользы человека. Это позволит приблизить идеи антропоцентризма к практической реализации.

Необходимо определение механизма и критериев применения конституционной аксиологии. Так, к примеру, в рекомендациях судебного органа конституционного контроля могут быть закреплены правила истолкования норм права в качестве конституционных ценностей.

К таким правилам можно отнести следующее:

- 1) приоритет прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц, когда спор касается коллективных или политических прав;
- 2) приоритет «слабой» стороны по делу (к примеру, в сфере пенсионного или иного социального обеспечения);
- 3) приоритет интересов семьи и детства, что предполагает обеспечение им особой правовой охраны от каких-либо посягательств;
- 4) приоритет перманентных интересов при соотношении частных и публичных интересов (к примеру, при соотношении экологических и экономических прав приоритет должен отдаваться экологическим правам, поскольку их реализация сказывается на интересах как настоящего, так и будущих поколений и не ограничена конкретной территорией; экономические права (собственность, инвестиции, застройка), как правило, имеют относительно кратковременный характер реализации и касаются ограниченного круга лиц).

Свой взгляд на рынок языков законодательства стран Центральной Азии на примере Республики Узбекистан и его влияние на принцип правовой определенности представил доцент кафедры конституционного и международного права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала РАНХиГС **Айрапетян Армен Самвелович**.

При помощи разработанного авторского подхода было проанализировано использование языков в сфере законодательного процесса в Узбекистане за период с 1990 по 2020 г. Так, законодатель Республики использует четыре языка: государственный узбекский (на основе латинской графики), узбекский (на основе кириллической графики), русский и английский. Языками-лидерами являются оба варианта узбекского языка и русский язык, которым принадлежит примерно по 1/3 доли рынка языков законодательства Узбекистана. На указанных языках законодательные акты доступны для ознакомления населению, на них принимаются оригиналы текстов законов Республики, несмотря на то что единственным государственным языком признан узбекский на основе латиницы с 1993 г. Законодатель Узбекистана и Конституционный Суд Республики в своей деятельности неоднократно указывали на необходимость установления идентичности смысла норм узбеко- и русскоязычных вариантов текстов законов.

Заметина Тамара Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права имени профессора Исаака Ефимовича Фарбера Саратовской государственной юридической академии в выступлении «Некоторые вопросы содержательной определенности прав этнических общностей в Российской

Федерации» отметила, что поправки 2020 г. в Конституцию РФ позволили не только модернизировать систему органов публичной власти, но и отразить некоторые принципы Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., о чем свидетельствуют новые редакции ч. 1 и 4 ст. 68, ч. 2 и 3 ст. 69 Конституции России.

В целом, отмечая положительный потенциал гарантирования на конституционном уровне национально-культурных потребностей индивидов и общностей (этносов) в условиях глобализации и необходимости гармонизации межнациональных отношений в России, следует констатировать, что конституционной регламентации в этой сфере присущи и определенные недостатки.

Например, положение ч. 2 ст. 69 (в новой редакции) о том, что «государство защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия», фактически воспроизводит положения ч. 3 («Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития») и ч. 4 ст. 68 в новой редакции («Культура в Российской Федерации является уникальным наследием ее многонационального народа. Культура поддерживается и охраняется государством»).

При этом институт национально-культурных автономий как структурный элемент гражданского общества, форма реализации прав на национально-культурное развитие и обеспечения гражданского согласия остался вне сферы внимания законодателя как в 1993 г., так и сегодня. Право на национально-культурную автономию гарантируется не только всем этническим общностям, компактно проживающим вне своих национально-государственных образований или не имеющим своей государственности (ст. 1 Федерального закона от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ (в ред. от 30 апреля 2021 г.) «О национально-культурной автономии», ст. 21 Основ законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 9 октября 1992 г. № 3612-1) (в ред. от 30 апреля 2021 г.), но и закрепляется в специальных законах, посвященных, например, коренным малочисленным народам (ст. 10 Федерального закона от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ (в ред. от 13 июля 2020 г.) «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»).

Анализ указанных правовых актов свидетельствует о том, что конкретное содержание этого права до конца не определено; например, в базовом законе закреплена такая форма создания наци-

онально-культурной автономии, как общественная организация, а Основы законодательства о культуре, о праве этнических общностей на основании волеизъявления населения или по инициативе отдельных граждан на создание национальных культурных центров, национальных обществ и землячеств. В Федеральном законе «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» общественные объединения, культурные центры и национально-культурные автономии малочисленных народов называются самостоятельными формами реализации прав лиц, относящихся к малочисленным народам, объединениям малочисленных народов в целях сохранения и развития своей самобытной культуры. Очевидно, что существуют потребности общества и системы государственного управления в использовании института национально-культурной автономии для реализации государственной национальной политики в современных условиях, поэтому данный институт нуждается в дальнейшей модернизации.

Павленко Евгения Михайловна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права и прав человека Института права и управления Московского городского педагогического университета в докладе «Конституционный принцип правовой определенности и обеспечение “наилучших интересов ребенка”» акцентировала внимание участников на развитии концепции «наилучшие интересы ребенка». По ее мнению, активно развивающаяся как на глобальном, так и на европейском уровне система представлений о «наилучших интересах ребенка», несмотря на ее детализацию по ряду направлений в конкретных положениях, в целом не удовлетворяет требованиям правовой определенности.

Положение осложняется тем, что концепция «наилучших интересов ребенка» остается неосвоенной в современном российском праве. Понятие «интересы ребенка» (вероятно, заимствованное из правовых систем государств Западной Европы) используется в нормах российского гражданского и семейного права с XIX в. Однако понятие «наилучшие интересы ребенка» отсутствует даже в Федеральном законе от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»: ее упоминания встречаются лишь в обзорах судебной практики (в том числе практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека), а также в двух постановлениях Пленума Верховного Суда РФ и одном постановлении Конституционного Суда РФ. Единственный документ федеральной исполнительной власти, ссылающийся на данную концепцию, — постановление Правительства РФ от 24 мая 2014 г. № 481

«О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей», однако в нем идет речь о «наилучшем обеспечении интересов детей», то есть, во-первых, повторяется ошибка перевода п. 1 ст. 3 Конвенции, а, во-вторых, акцент смещен с интересов ребенка как индивида на интересы детей-сирот как социальной группы. Кроме того, Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», как и подзаконные акты, сужает понятие «интересы ребенка» с помощью уточнения «законные», то есть помещает на первое место в шкале ценностей интересы не индивида, а общества, имеющего возможность законодательно закрепить собственные приоритеты. В Заключительных замечаниях, вынесенных Комитетом ООН по правам ребенка по итогам рассмотрения объединенного доклада Российской Федерации в 2014 г., отмечалось, что понятия «законные интересы ребенка» и «наилучшие интересы ребенка» неравноценны.

Выходом из сложившейся ситуации представляются усилия по конкретизации понятия «наилучшие интересы ребенка» в правовой системе Российской Федерации с учетом российской специфики и зарекомендовавших себя с положительной стороны подходов международных организаций.

Региональные механизмы реализации прав человека осветил в своем выступлении директор Астраханского филиала РАНХиГС, кандидат экономических наук **Петраев Андрей Викторович**. Как отметил докладчик, системы региональных прав человека были разработаны с учетом регионального значения и предусматривают более конкретные рамки, чем система ООН. Региональные системы предлагают различные степени защиты прав человека (в том числе детей): некоторые используют определенные инструменты и механизмы для того, чтобы оспаривать случаи нарушения прав; другие полагаются на контрольный орган, чтобы определить, как конкретный договор применяется к правам человека. Там, где есть пробелы в защите прав, региональные системы могут опираться на ООН или другие региональные системы, чтобы определить, как положения договоров о правах человека применяются к людям. Из изложенного следует, что созданные в мире региональные механизмы реализации прав человека позволяют в большей степени реализовать право на определенность или хотя бы предоставить такую возможность.

Василевич Сергей Григорьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета, в своем выступлении

отметил, что законодательство всегда будет подлежать изменению и дополнению, поскольку меняется время, эволюционируют общественные отношения, развиваются технологии. В ходе принятия управленческих решений экономические потери от неверного правового регулирования могут быть существенными. Именно поэтому обязательным элементом нормотворческого (законодательного) процесса должна стать экономическая оценка права, которая выходит за рамки практикуемого в настоящее время финансово-экономического обоснования проекта. Необходимо согласовывать программы экономического и социального развития с программами развития законодательства. Для экономического развития страны важна устойчивость финансовой системы. В связи с этим возрастает важность Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации», который устанавливает правовые основы стратегического планирования, координации государственного и муниципального стратегического управления и бюджетной политики, полномочия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления и порядок их взаимодействия с общественными, научными и иными организациями в сфере стратегического планирования.

Доцент кафедры конституционного и международного права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук **Алихаджиева Анна Саламуевна** в выступлении на тему «Принцип сбалансированности и разумности в механизме охраны окружающей среды» обратила внимание на то, что большинство исследований по экономике окружающей среды сосредоточены на вопросах рационализации природных процессов. Россия — страна огромных природных богатств, при этом вопрос рациональности природопотребления всегда был и остается одним из наиболее актуальных. В условиях экономического кризиса экологическая составляющая подвержена максимальным рискам и потерям. Возрастание темпов давления на окружающую среду в условиях непрерывного роста потребления природных ресурсов, естественный прирост населения являются первопричиной сложившейся неблагоприятной экологической ситуации. Основная идея сбалансированного природопользования — разумное потребление природных ресурсов. Рациональность природных запасов подразумевает способность окружающей среды самовосстанавливаться. Нередко изъятые в экономических (производственных) целях ресурсы не в состоянии самопроизвольно возобновиться. Ресурсосберегающая деятельность должна стать одним из ключевых направлений развития и эффективного функционирования

ния экономического сектора современной России. Для обеспечения рационального потребления необходим комплекс мер, объединяющий рециклинг, комплексное использование сырья, ресурсосберегающие и информационные технологии. Целесообразно претворять в жизнь меры, направленные на новый уровень взаимоотношений человека и природы.

Выступления аспирантов, магистрантов, молодых ученых (**Арзуманова Сильва Михайловна**, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Пятигорского государственного университета — доклад «К вопросу о консультативных институтах муниципальной демократии»; **Рабазанов Султанахмед Асадуллаевич**, аспирант кафедры конституционного и международного права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала РАНХиГС — доклад «Конституционные права и свободы коллективных субъектов: проблемы правового регулирования» и др.) были посвящены актуальным вопросам заявленной тематики.

В работе круглого стола приняли также участие ведущие российские и зарубежные ученые-конституционалисты образовательных организаций Белоруссии, Таджикистана, Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Астрахани, Калининграда, Екатеринбурга, Уфы, Пятигорска.